

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Анатолий Митяев

РАССКАЗЫ О РУССКОМ ФЛОТЕ

Анатолий Васильевич Митяев
Рассказы о русском флоте
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59799426
Митяев А. В. Рассказы о русском флоте: Детская литература;
Москва; 2019
ISBN 978-5-08-005748-9

Аннотация

В книгу Анатолия Васильевича Митяева (1924–2008) вошли рассказы о знаменитых адмиралах, о морских баталиях времён Петра I и Русско-турецких войн, о плаваниях по морям и океанам вокруг света, цикл рассказов «В холодном море», а также его сказки для детей.

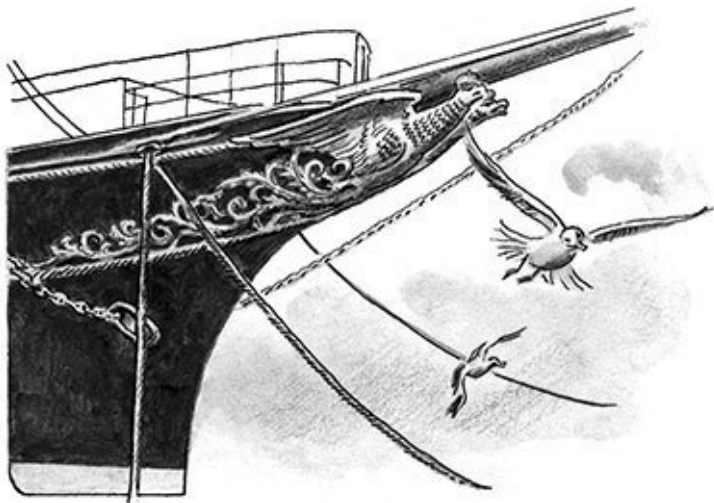
Тема сборника морская. И поэтому в каждом рассказе или истории можно почувствовать и бесконечную любовь автора к морским просторам и отважным людям, в течение многих веков создающим славу русскому флоту.

Для среднего школьного возраста.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Кто в море не бывал...	7
Морские истории и сказки	16
Шесть Иванов – шесть капитанов	17
Сказка про трех пиратов	24
Пингвины	30
Якорь	37
Белая шхуна	40
Почтовая бутылка	45
Глоток воды	51
Щеглы для флота	55
Капля	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анатолий Митяев

Рассказы о русском флоте

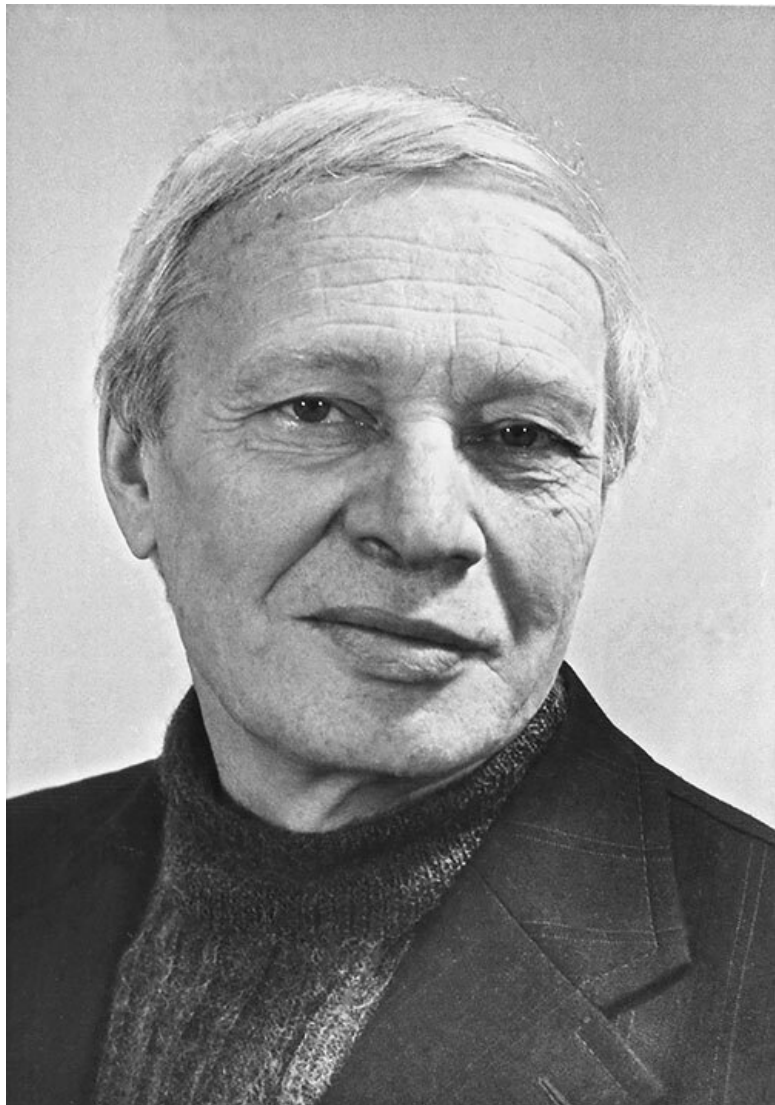
© Митяев А. В., наследники, 2019

© Пестова И. Н., вступительная статья, 2019

© Гонков С. Г., иллюстрации, 2019

© Оформление серии, состав. АО «Издательство «Детская литература», 2019

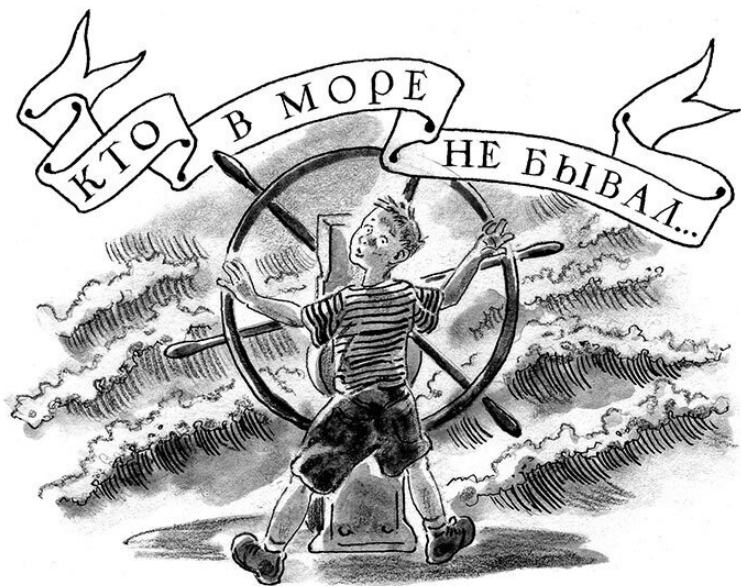
* * *

Shuntel

1924–2008

Кто в море не бывал...

Почему человека тянет к морю? Чем его привлекает морская служба?.. Ведь тяжело служить и воевать на суше, а на море – ещё тяжелее. Недаром говорится: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал». Много веков подряд со всех концов страны добирались до морских причалов и нанимались на корабли отважные люди всех сословий. А уж побеги подростков к морю и служба юнгами – едва ли не самый попу-

лярный сюжет многих книг и кинофильмов.

Анатолий Васильевич Митяев в детстве к морю не убежал. Он родился в центре европейской России, в селе Ястребки Рязанской губернии. Рано научившись читать, мальчик перечитал всё, что было в сельской библиотеке, о море и путешествиях. Однако к окончанию школы мечты его были вполне сухопутными: после девятого класса он подал заявление в лесной техникум. Начавшаяся война оборвала все планы. Анатолий ушёл в армию добровольцем и служил в дивизионе тяжёлых миномётов на разных фронтах Великой Отечественной. С морем же Анатолий Васильевич повстречался в двадцатилетнем возрасте, когда осенью 1945 года солдатская судьба привела его на Сахалин. Впервые выйдя ночью на берег Татарского пролива, ощутил он близкое дыхание океана... Но моряком не стал.

По завершении военной службы Анатолий Васильевич выбрал профессию журналиста в «Пионерской правде», потом возглавил журнал «Мурзилка». Его первая книга, сборник сказок, появилась в 1960 году. После выходили военные рассказы для младших школьников, а ещё позже – «Книга будущих командиров» и «Книга будущих адмиралов», книги по военной истории России. Дети сразу приняли и полюбили митяевские рассказы и сказки. Но самыми преданными его читателями стали те ребята, в основном мальчишки, что поняли, какое это удовольствие – узнавать о деяниях великих героев и следовать за мыслями гениальных полковод-

цев! Вместе с автором они отправлялись в жаркие сражения, восхищались мудростью древних вождей, мужеством рядовых воинов.

Углубляясь в прошлое страны, Анатолий Васильевич обратил внимание на моряков с их особыми, так долго живущими обычаями на службе, в бою и в быту. Мореплавание всегда было делом мужественных людей. В истории много примеров тому, как море помогает людям сильным и как жестоко обходится с безвольными. К тяжёлой морской службе человек должен быть готов не только телом, но и духом. А уж море выкует в нём самые лучшие качества: выносливость и привычку к постоянному труду, чувство личной чести и горячую любовь к родной земле, умение побеждать, казалось бы, в безвыходном положении.

Восхищённый разными флотскими судьбами, Анатолий Васильевич задался вопросом: откуда у россиян неистребимая тяга к морской стихии? И каждая его книга о море и моряках в какой-то мере является ответом на него.

Отважными мореходами наши предки были уже более тысячи лет назад. Они строили суда, спускались по рекам до самого Средиземного моря, ходили на Балтику и в Северный Ледовитый океан. Стремление к морю на Руси не пропало и в те столетия, когда шведы отрезали нас от Балтики, а турки – от Чёрного и Азовского морей. Для морской связи с миром оставался лишь Архангельск – порт на замерзающем на полгода Белом море. Понятно, что в таких условиях огромная

страна с самой длинной на земле морской границей не могла нормально существовать и развиваться. Поэтому борьба за выход к морям надолго стала основной заботой русских государей и, как сегодня сказали бы, нашей национальной идеей. А тысячи отважных россиян, откликаясь на зов морей и океанов, строили корабли, стойко переносили тяготы флотской службы, открывали новые земли и превращали родную страну в крупнейшую морскую державу.

Всякому пишущему о флоте надо знать законы и обычаи, из которых состоит повседневная жизнь моряка. У Анатолия Васильевича опыта службы на флоте не было. Все его знания почерпнуты из книг, документов, общения с «морскими волками», а ещё ему помогало творческое воображение.

Однажды, уже на склоне лет, ему пришлось увидеть документальный фильм о корабельной верфи. Прежде он об этом только читал, а теперь воочию смог увидеть, как выжигают в гигантском пожаре внутренности большого современного корабля перед тем, как отправить его на переплавку... Писатель был потрясён этой трагической картиной. Он словно сам пережил то, что чувствуют члены экипажа в мгновения гибели судна, и полностью осознал слова великого флотоводца С. О. Макарова: «Корабль есть живое существо, и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушевленный исполин, послушный воле своего командира». Трепетное отношение писателя к своим героям – и морякам, и кораблям – рождало доверие читателя. В бла-

годарных письмах они часто спрашивали автора о дальнейших судьбах моряков, не сомневаясь, что он был участником описываемых событий.

Самая первая сказка молодого Анатолия Митяева называлась «Гордый кораблик». Смысл её прост: «так корабль и поплывёт, как его ты назовёшь». Мальчик, который мечтал о море, выпилил из дощечки кораблик, назвал его «Авророй» (в то время все дети знали этот крейсер – знаменитый символ Октябрьской революции), и корабль-мечта мальчика прошёл невредимым сквозь все испытания. Сказка читателям понравилась, по ней сняли мультфильм. Однако Анатолий Васильевич скоро понял, что детям мало одной сказки о знаменитом корабле. Он познакомился с музейными и архивными документами, воспоминаниями моряков, служивших на нём. Выяснилось, что история крейсера «Аврора» совсем не проста, невероятно интересна и уходит корнями в середину XIX столетия.

Крейсер, в традициях Российского императорского флота, назвали именем мифологического персонажа – богини утренней зари Авроры. Но он не первый носил это имя: ранее ходил по морям и отважно сражался парусный фрегат с тем же названием. Крейсер продолжил его героическую службу Родине. Кроме того, мощные орудия, снятые с «Авроры», во время Великой Отечественной войны обстреливали фашистские танки на подступах к блокадному Ленинграду. Все эти сведения легли в основу сценария для диафиль-

ма «История „Авроры“». И хотя, в отличие от мультфильма, картинки в диафильме неподвижны, можете поверить на слово: «Аврора» ожила, обрела некий объём благодаря новому авторскому взгляду.

Сценарии диафильмов сыграли немалую роль в становлении Митяева как автора исторических повестей для детей. Кстати, впоследствии Анатолий Васильевич ещё не раз возвращался к своей любимой теме – как с именем погибшего корабля-героя передаётся вновь построенному кораблю завёт безупречной службы Отечеству.

Одно из любимых имён для кораблей нашего флота – «Гангут». Что оно значит? Это русское название финского полуострова Ханко. Оно знаменует самую первую победу российского флота, созданного Петром I. Его галерный флот возле Гангута более трёх веков назад смог разбить мощную шведскую эскадру. Анатолий Васильевич начал с рассказа об этом сражении книгу об истории регулярного флота России для ребят младших классов. Книга получилась интересной и познавательной. Автор много знал о тех далёких временах и с удовольствием делился разнообразными сведениями о том, как строились и назывались тогда корабли, в каких морях на каких судах удобнее ходить, как моряки управляли кораблём, что ели и как отдыхали, каково было вооружение, как сражались в абсордажном бою и даже как, в конце концов, праздновали победу. При этом на страницах книги разворачивались события морских баталий, направляемые твёрдой

рукой и волей Великого Петра...

Многие сюжеты и герои рассказов о русском флоте очень популярны у ребят – библиотечные книги давно зачитаны ими до дыр. Воодушевление от петровских побед – «викторий» – в наше время довелось ощутить на родине Митяева, в школе посёлка Сапожок, куда нас пригласили на урок морской истории. В этой школе учителями никогда не были профессиональные моряки. Но пятиклассники знают и любят книги своего земляка. Они изготовили прекрасную карту-схему полуострова Гангут, картонные макеты кораблей и разыграли сражение. Не знаю, суждено ли ребятам стать юнгами, но, по меньшей мере, название «Гангут» у этих девочек и мальчиков останется в памяти на всю жизнь, подобно Полтаве, Бородину и Сталинграду. Сейчас мало кто помнит, но в 1930-е годы, когда Митяев пошёл в школу (именно в эту, в посёлке Сапожок), историю детям не преподавали, её ввели в программу лишь незадолго до войны. Но это нелепое обстоятельство не оказало на судьбу Анатолия Васильевича решающего влияния: он освоил предмет самостоятельно и в том объёме, который ему требовался. Львиную долю знаний он получил из книг, которые читал с пяти лет. И это снова доказывает пользу хорошего чтения.

Предлагаемая книга Анатолия Митяева составлена из рассказов о великих сынах России – защитниках её берегов, флотоводцах и открывателях новых земель, о знаменитых сражениях на морях и на суше, о кораблях-героях. Это се-

рьёзное и интересное чтение. Есть в сборнике и морские истории, и сказки. При этом сказки у Митяева удивительные: то ли сказка она, то ли быль. И по настроению они разные: весёлые, серьёзные, трагические. Но их объединяет искренняя уверенность сказочника, что главный закон жизни – закон верности: верности морю, верности слову, верности родной земле. А ещё автор точно знает, почему так важно зорко смотреть в морскую даль...

Есть в книге и одна особенная сказка. Она проста, как игра или считалка, и, как песенка с припевом, понятна даже самым маленьким детям. Это сказка «Шесть Иванов – шесть капитанов». Когда-то она была у нас очень популярна. Картинки к ней любили рисовать дети в детских садах и пионерских лагерях.

Однажды журнал «Советская женщина» объявил международный конкурс на лучший детский рисунок, предложив юным читателям проиллюстрировать сказку о мальчишках-моряхах, которые по первому зову с открытой душой приходят на помощь. Сказка эта понравилась ребятам из многих стран. Было прислано несколько тысяч работ. Рисунки лауреатов украсили проходившую в 1977 году в Москве первую Международную книжную выставку-ярмарку.

Сегодня, более сорока лет спустя, те ребята, что участвовали в конкурсе, выросли и стали совершенно взрослыми. И автора уже нет среди нас. Но так нужна в сегодняшнем мире его доброта, и эта матросская песенка, и мальчишеская вера

в дружбу, что сильнее всех бурь и невзгод!

Итак, читаем Митяева...

И. Пестова

Морские истории и сказки

МОРСКИЕ ИСТОРИИ И СКАЗКИ

Шесть Иванов – шесть капитанов

В шести разных странах жили шесть Иванов-капитанов. Все они носили тельняшки. Лодку они называли не лодкой, а ялом, компас не компасом, а компáсом, скамейку не скамейкой, а банкой.

Каждый из них, слушая сводку погоды по радио, обязательно поправлял диктора. Если диктор говорил: «Ветер северо-восточный», капитаны поправляли: «Ветер нордост». Если диктор говорил: «Скорость ветра двадцать метров в секунду», они тут же уточняли: «Шторм девять баллов».

А ещё жила на свете девочка Лена, которая любила рисовать. Как-то захотелось ей нарисовать лужок. Пошла она на лужок, села на травку, раскрыла альбом, взялась за коробку с красками и тут вспомнила: краски-то кончились! Тарелочки из-под красок чистые-чистые...

– Ох, горе мне! – крикнула Лена. – Что ж я теперь делать буду? Кто же выручит меня из беды?

И только вскрикнула так Лена – появились перед ней шесть мальчишек в тельняшках.

– Мы слышали сигнал SOS, – сказали они. – Это ты, девочка, терпишь бедствие? Что случилось? Какая нужна помощь?

Удивилась Лена: откуда взялись мальчишки? То ли из травы вылезли, то ли с неба свалились...

«Может, я расстроилась сильно, – подумала девочка, – и в расстройстве проглядела, как подошли ребята?»

И показалось Лене: беда у неё такая, что хуже не бывает. Тогда жалобным голоском она ответила:

– Я терплю бедствие. Краски у меня кончились, а магазин закрыт на учёт. Может, там до ночи учитывать будут, может, и весь завтрашний день... А вы кто такие и откуда взялись?

– Мы из разных стран, – ответили мальчишки.

– Я – Иван!

– Я – Ян!

– Я – Хуан!

– Я – Жан!

– Я – Ганс!

– Я – Джон!

– Мы – Иваны-капитаны!

– Ох, Ванюшеньки миленькие, – обрадовалась Лена, – выручите меня из беды, достаньте краски! Очень мне хочется лужок нарисовать.

– Есть! – ответили Иваны-капитаны. – Сиди здесь, скоро тебе будут краски. Дайка нам пустую коробочку.

– Я знаю, где жёлтая краска, – сказал Иван.

– Я знаю, где голубая, – сказал Ян.

– Я знаю, где оранжевая, – сказал Хуан.

– Я знаю, где красная, – сказал Жан.

– Я знаю, где чёрная, – сказал Ганс.

– Я знаю, где белая, – сказал Джон.

Иваны-капитаны отдали честь девочке и пошли. Пошли они и по дороге нашли старые ворота.

Приладили к ним мачту, капитанский мостик, штурвал – получился отличный корабль.

Столкнули Иваны-капитаны корабль на воду, на мачте шесть флагов подняли и поплыли.

С капитанского мостика увидел Иван злого кашалота. Ушёл Иван от кашалота. Привёл корабль в Жёлтое море. Зачерпнули капитаны жёлтой краски. Поплыли дальше.

Капитан Ян ловко среди рифов прошёл и привёл корабль в Голубую реку. Зачерпнули капитаны голубой краски. По-

плыли дальше.

Капитан Хуан сквозь шторм корабль провёл, остановил его в Оранжевой реке. Зачерпнули капитаны оранжевой краски. Поплыли дальше.

Капитан Жан между айсбергами проплыл и привёл корабль в Красное море. Зачерпнули капитаны красной краски. Поплыли дальше.

Капитан Ганс вовремя увидел мель, обогнул её и привёл корабль в Чёрное море. Зачерпнули капитаны чёрной краски. Поплыли дальше.

Капитан Джон вёл корабль в тумане, но точно привёл его в Белое море. Зачерпнули капитаны белой краски. И поплыли к берегу.

Нашли они вскоре тихую бухту, бросили в неё якорь и пошли к девочке на лужок.

– Вот тебе, девочка, краски! – сказали шесть Иванов-капитанов. – Извини, что нет зелёной. Но раз ты любишь рисовать, то знаешь, как сделать её из жёлтой и голубой.

– Спасибо! – сказала Лена.

Она пожала на прощание руку Ивану,

пожала Яну,

пожала Хуану,

пожала Жану,

пожала Гансу,

пожала Джону и стала рисовать лужок.

А капитаны ушли в свои страны. Ходят они по своим стра-

нам в тельняшках, называют комнату не комнатой, а кубриком, лестницу не лестницей, а трапом. Если нужно будет, если кому-то понадобится помощь, они мигом соберутся вместе и поплывут на своём корабле.

Сказка про трех пиратов

В одном доме жила семья: мама, папа и дочка. Был выходной день. Они позавтракали поздно и собирались мыть посуду на кухне. В это время постучали соседи и позвали всех к себе – смотреть породистого щенка. Это было интереснее мытья посуды, и все побежали к соседям. А кран над раковиной забыли завернуть. Стоит ли говорить, что кран обязательно надо завёртывать, если уходишь, иначе будет беда.

Вода из крана бежала ровной струйкой. Вдруг струйка прервалась. Кран громко чихнул, и из него с брызгами выскочило что-то, потом ещё что-то и ещё что-то. Эти три что-то как раз и были три пирата: пират Синий Нос, пират Красный Нос и пират Нос Крючком. Их стукнуло о тарелки, которые лежали в кухонной раковине, на них лилась вода. Поэтому они некоторое время валялись как попало, потом стали приходить в себя.

Первым пришёл в себя пират Синий Нос. Он втянул воздух в свой синий, как слива, нос и закричал:

– Тысяча чертей! Пусть сожрёт меня акула, если это не камбуз!

– Камбуз! Камбуз! – завопили Красный Нос и Нос Крючком. – Отличный камбуз, адмиральский камбуз! Ну и попируем мы здесь! На разведку, ребята!

Пираты выскочили из раковины и разбежались по кухне.

Синий Нос прикатил банку с перцем, Красный Нос притащил на спине вафлю, а Нос Крючком приволок ложку с остатками сметаны. Пираты намазали вафлю сметаной, посыпали перцем и начали есть её с трёх сторон, не разламывая. Ели они страшно быстро. Через мгновение вафля исчезла в их животах, и они чуть было не откусили друг другу носы.

– А теперь, – сказал Нос Крючком, поглаживая круглый живот, – за мной! Я нашёл склад оружия.

В ящике кухонного шкафа лежали ножи. Они были ост-

рые и сверкали. У пирата Красный Нос от счастья закружилась голова, и он свалился в ящик с ножами. Однако ножи для пиратов были тяжелы и велики. Пираты приуныли. Но тут попался нож от мясорубки. Они его взяли, один на троих, и двинулись дальше.

Пока они идут с ножом от мясорубки, озираясь по сторонам, самое время рассказать о них.

Это были ужасные пираты. Когда-то, очень давно, их боялись на всех морях и океанах. Потом перестали бояться, и они от такого несчастья стали маленькими. В огромном море им нечего было делать. Они пробрались в речку. Там их всосала водопроводная труба. По ней-то они и попали на кухню...

Из кухни коридорчик вёл в прихожую. Пираты очень быстро достигли прихожей. Первое, что увидели они, – это вешалку, даже не саму вешалку, а одежду на ней.

– Осмотреть карманы! – отдал команду Синий Нос. – Возможно, там спрятаны клады золотых дукатов.

Красный Нос ухватился за полу мужского пальто и ловко, как обезьяна, стал подниматься к карману. Синий Нос забрался в карман женской шубки, а Нос Крючком – в карман детской курточки.

– В этих душистых мешках нет ни пылинки, – проворчал Синий Нос, скатываясь по скользкому меху на пол.

Из кармана мужского пальто слышалось сопение, пыхтение. Красный Нос вылетел оттуда, чихая. Зацепившись но-

гой, он вывернул карман – из него посыпалась жёлтая пыль.
– Тысяча чертей! Это же табак! – догадались Красный и Синий Носы.

Услыхав про табак, Нос Крючком, не кутивший тридцать лет ровно, начал быстро спускаться по шерстяной нитке, торчавшей из кармана куртки. Нитка всё удлинялась. Когда Нос Крючком спустился почти до пола, нитка натянулась, и из кармана упала четырёхпалая перчатка: пятый палец весь распустился, пока пират спускался. Нос Крючком тоже стал чихать.

Начихавшись всласть, пираты занялись дальнейшим осмотром. И вдруг они увидели галоши.

– Пусть меня проглотит кашалот! – заорал Нос Крючком. – Это отличные корабли. Без единой трещины, просмоленные как надо. Возьмём один из больших кораблей. Пусть у него меньше скорость, зато он поднимет больше груза.

Пираты уцепились за большую галошу и потащили её.

– Клянусь потрохами каракатицы, – закричал Синий Нос, – мы делаем бесполезную работу! Куда мы тащим корабль? Ни шагу дальше! Мы его загрузим здесь. Всем искать клад!

Пираты кинулись в детскую комнату. Синий Нос подбежал к кожаному сундуку с большим никелированным замком. Открыть замок – сущий пустяк пирату. Скоро Синий Нос скрылся в кожаном сундуке.

Красный Нос и Нос Крючком напали на кукол, которые

сидели в уголке. Они отбирали у них капроновые одежды и сваливали в вороха. Нос Крючком надел голубую юбку с кружавчиками. Красный Нос напялил на голову чепчик с бантиком. Пираты пригрозили голым куклам ножом от мясорубки и запихали их под тахту.

В это время вылез из кожаного сундука Синий Нос. За поясом у него было три кинжала – пёрышки, которые он нашёл в пенале. В руках он сжимал авторучку.

Синий Нос страшно рассердился, увидев друзей в кукольных нарядах, – как они смели заняться дележом без него?! Он отвинтил колпачок у ручки и, нажимая насосик, открыл стрельбу. Первую чернильную струю Синий Нос запустил в физиономию Красному Носу, и нос у того стал синим. Вторая струя ударила в физиономию Носа Крючком. У него нос тоже стал синим.

– Пусть меня задушит осьминог! – захохотал стрелок. – Мы все теперь Синие Носы – стало быть, братья! Давайте мириться.

Пираты обнялись, потом надели на настоящего Синего Носа кофточку. Синий Нос подарил им по кинжалу и отсалютовал в обои на стене несколькими очередями из авторучки.

– А теперь без промедления носить добро на корабль! – распорядился настоящий Синий Нос.

И только он распорядился, как за входной дверью на лестничной площадке послышались шаги.

– Клянусь омаром и кальмаром, – прошептал Нос Крючком, – это морская пехота врага! Надо удирать!..

Пираты бросили нож от мясорубки и, срывая на ходу награбленную одежду, кинулись на кухню. Мигом они забрались в раковину. Красный Нос попытался влезть в кран, но его тут же отбросило струёй на посуду. Он потёр спину и, сморщившись, проворчал:

– Очень сильный прилив. Надо ждать отлива, иначе не попадёшь в трубу.

– Немедленно за мной, хромые кефали! – заорал Синий Нос. – Или мы погибли!..

Он втянул в себя побольше воздуха и нырнул в отверстие раковины. За ним бросился Красный Нос. Нос у него был уже красный: отмылся. Последним нырнул Нос Крючком. При этом он запутался в мочалке. Она потащила за ним и заткнула отверстие раковины.

Дверь открылась. Мама, папа и дочка вошли в квартиру.

– Хороший щеночек! – сказала дочка.

Папа и мама хотели сказать, что им тоже понравилась собака, что, может быть, стоит завести такую, но они ничего не сказали. Папа споткнулся о галошу, а мама попала ногой в ручеёк, бежавший в прихожую с кухни. Они только вздохнули и принялись за уборку. Да, задали им работу эти ужасные пираты!..

Пингвины

Место, где произошла эта история, — на другом конце Земли, почти прямо под нами. Там лежит странный материк — Антарктида, покрытый льдом. Тяжёлый лёд с середины материка тихо-тихо ползёт к берегам и, обламываясь, падает в океаны. С грохотом, со страшным плеском падают ледяные горы в воду. Потом они плывут по всему свету, ведь вокруг Антарктиды сходятся три из четырёх земных океанов.

Когда у нас, на верхушке Земли, начинается зима, внизу

Земли, в Антарктиде, начинается лето. Оно чуть потеплее нашей зимы, но всё же лето, и в эту пору с океанских островов к ледяным берегам начинают плыть стаи пингвинов. Их путь долгий и опасный. То шторм разыграется, то акулы нападут; пингвинам никуда от них не деться: крылья-вёсла не поднимут пингвинов в воздух. Зато хорошо бывает, когда доплывут пингвины до места. В белых рубашках и белых штанах, в чёрных пиджачках, толпами гуляют они по сверкающему льду, по искристому снегу, а проголодавшись, ныряют в океан за рыбой. Пингвины становятся хозяевами ледяной пустыни.

Можно подумать, что и плывут-то они в Антарктиду, чтобы стать её хозяевами. Ведь бывают глупцы, для которых смысл жизни – стать хозяином чего-то. Но пингвины не такие! Они пускаются в путешествие по океану из-за любви к пингвинятам. На островах у пингвинят много врагов, неспокойно расти им на островах. А тут никто не тронет.

Среди тех, кто приплыл на ледяной берег, был пингвин, по имени Пин-Гвин. Как и другие птицы, Пин-Гвин вскоре стал высидывать яйцо. Он знал, что пингвинёнок выведется из яйца, если яйцу будет тепло. Пин-Гвин прижал яйцо крыльями, как руками, к животу и стал усердно греть его. Ходить, прижимая яйцо к животу, трудно, и Пин-Гвин больше стоял. Ему не было скучно стоять: он стоял и думал, как появится на свет его пингвинёнок, как славно заживут они вместе.

Пин-Гвина мучил голод. Он не ел уже много дней. И Пин-Гвин решился однажды пойти за рыбой. Он не стал бы делать этого, если бы это было нужно только ему одному. Он делал это для будущего пингвинёнка, которого любил уже больше всего на свете. Голодная птица – холодная, а яйцу нужно тепло.

Рядом с Пин-Гвином стоял Пын-Гвын, не уклюжий толстяк с очень большими лапами. Он тоже грел яйцо. Пин-Гвин попросил его присмотреть за яйцом. Тот согласился.

Яйцо лежало на льду около больших ног Пын-Гвына. И надо же случиться такому – толстяк, переступая с ноги на ногу, задел яйцо, и оно покатилося. Оно катилось сначала тихо, потом всё быстрее и быстрее. Пын-Гвын сначала шёл за ним, потом побежал. Но крылья у него были заняты, яйцо упало в глубокую трещину и пропало там.

Пын-Гвын чуть с ума не сошёл от страха. «Что делать, что делать?» – думал он и топтался на месте. Тут попался ему на глаза камень. Он был такой же, как пропавшее яйцо, – круглый, гладкий. И Пын-Гвын отдал этот камень возвратившемуся Пин-Гвину.

«Как потяжелело яйцо, – думал Пин-Гвин, прижимая к тёплому животу камень. – Хороший пингвинёнок, большой и сильный, выведется у меня. Славно мы заживём вместе...»

Пришло время – сразу во многих яичках раздался стук. Это стучали клювами в скорлупу пингвинята, они словно спрашивали разрешения войти в большой мир. Им, конечно,

разрешали. И они выбирались из тесной скорлупы на сверкающий лёд, на морской воздух, под яркое солнце.

«Когда же постучится мой богатырь? – думал Пин-Гвин. – Ну, ничего, я терпеливый, подожду». И он плотнее прижмал к себе камень.

Пингвинята заметно выросли. Они уже не картавили, проносили все буквы, даже «Р». Многие из них научились плавать и нырять, а некоторые сами ловили рыбу. Взрослые птицы толпами ходили к Пин-Гвину и спрашивали, скоро ли ждать новорождённого. «Потерпите, – отвечал он, – мой пингвинёнок неторопливый. Пригрелся там, упрямец, и выходить на свет не хочет. Пусть ещё немного понежится». Он говорил это спокойно, а у самого сердце уже давно было полно тревоги.

Как-то одна из птиц высказала Пин-Гвину сомнение: не камень ли у него вместо яйца? Ах, как Пин-Гвин рассердился! Он прогнал нахала и долго кричал ему вслед обидные ругательства. А ночью, когда все пингины рассказывали сказки прижавшимся к ним пингвинятам, Пин-Гвин тоже стал рассказывать сказку; он рассказывал громко, чтобы пингвинёнок слышал её сквозь скорлупу.

Пингвинчик выходить из яйца не хотел.
Всю-то жизнь, упрямый, в скорлупе просидел.
Он не видел ледяные глыбы,
Не пробовал свежей рыбы.
Ветер полярный не выщипал у него пёрышка.

Старшим с птенчиком не было горюшка.

Пин-Гвин рассказал такую сказку и сам поверил, что птенчик слышал её. Очень радостно стало от этого Пин-Гвину. И он первый раз за всё время уснул, уснул стоя, прижимая камень к себе крепко-крепко. Проснувшись, Пин-Гвин поковылял к берегу океана.

– Слышишь этот непрерывающийся шум? – спрашивал он. – Это шумит океан. Океан не твёрдый, – объяснял он. – Если встать на него, провалишься и попадёшь с белого света в зелёный, к рыбам. Рыбы будто узенькие льдинки, такие же блестящие. А есть киты. Они похожи на чёрные скалы. У них из головы бьёт фонтан. Тебе понятно, что такое фонтан? – спрашивал Пин-Гвин, наклоняясь к камню. – Это огромное перо из воды.

Однажды Пин-Гвин положил свой камень, а он покатился. Пин-Гвин остановил его и отшлёпал, как шлёпали другие пингвины своих непослушных детей.

– Я знаю, тебе не больно, озорнику. Ты в скорлупе, – ворчал Пин-Гвин при этом. – Но запомни: выведешься – всыплю по первое число.

Неуклюжий Пин-Гвин всё это видел и слышал. Ему было страшно сказать правду Пин-Гвину, и он ушёл в другую стаю, которая жила за ледяной горой.

Между тем лето кончилось. Молодых пингвинов уже нельзя было отличить от старых. Все начали собираться в

путешествие к своим островам. Здесь стало морозно, подули ветры со снегом. Да, надо было торопиться!

В один из дней, когда океан едва колыхался, толпы пингвинов сошли со льда в воду и поплыли. Ледяной берег стал снова белым-белым. Только одна чёрная точка была на нём – это чернел пиджачок Пин-Гвина. Пин-Гвин не знал, что ему делать. Он, как всякая птица, чувствовал приближение страшной антарктической зимы: она не щадит ничего живого. Но и плыть было опасно: яйцо так тяжело! «Остаться на ледяном берегу, – размышлял Пин-Гвин, – значит наверняка заморозить пингвинёнка. Поплыву я. В этом единственное спасение для него. Да, очень жаль, что он до сих пор ещё не вывелся...»

Пин-Гвин нашёл место, где лёд полого спускался к воде. Он прошёл медленно по этому спуску, прижал крылышками крепче камень и поплыл. Всё тело Пин-Гвина ушло в воду, на поверхности была только голова, только раскрытый клюв, глотающий воздух, только два чёрных встревоженных глаза. «Ничего, – подбадривал себя Пин-Гвин, – доплывём потихоньку».

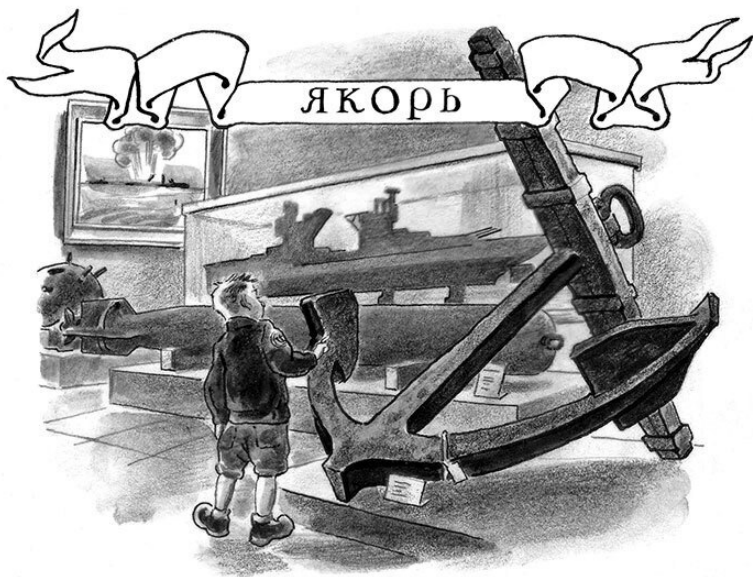
Он уже был далеко в океане, когда понял, что сил у него не осталось совсем. Он повернул назад и, медленно погружаясь в зелёную воду, устремился к берегу.

Если бы пингвин выпустил камень... Но ведь Пин-Гвин был уверен, что у него не камень, а яйцо с крохотным пингвинёнком, ещё не родившимся, но любимым бесконечно.

Вода, окружавшая Пин-Гвина, всё темнела и темнела, будто в воду добавляли черноты. Но черноты никто не добавлял – просто Пин-Гвин опускался всё глубже.

Стаи пингвинов, молодых и старых, были в это время на полпути от своих островов. Плыть им было легко и весело. С ними плыл и Пын-Гвын, неуклюжий, с большими лапами, тот самый, который побоялся сказать о пропавшем яйце и заменил его камнем.

Якорь

В морском музее, на низеньком дощатом помосте, лежал якорь. Почерневший, весь в ямках и буграх, с инвентарным номерком на тяжёлой лапе, он не интересовал посетителей. Экскурсоводы тоже не задерживались около него.

«Вот якорь, – говорили они. – Ему двести лет». И шли дальше – к моделям фрегатов, к корабельным пушкам, к вымпелам и флагам.

Нет, якорь не равнял себя с флагом или пушкой! Он сам

был из меди и знал лучше других, каково приходится медной пушке, когда у неё внутри взрывается порох. Его даже не огорчал инвентарный номерок. Номерок прикрутили проволокой для порядка. А тот, кто долго плавал и знает корабельную службу, не может не любить порядок.

Плохо было другое: якорь не понимал, почему о нём говорят только то, что ему двести лет. Какая разница – сто тебе, или двести, или всего один год! Для якоря важно не это...

Как-то в музей пришли отец и сын. Отцу надо было отлучиться, и он оставил сына около якоря: тут стоять было спокойно.

Мальчик обошёл якорь, а потом, хотя это и запрещено в музеях, провёл рукой по его чёрным корявым лапам. Якорь вздрогнул от прикосновения тёплой ладошки...

«Вот бы рассказать этому мальчугану о себе! – расчувствовался вдруг якорь. – Жалко, люди не понимают наш язык».

Но тут увидел он на куртке мальчика якорёк. С якорьком-то можно было говорить!

– Слушай, малышка! Хочешь, я тебе расскажу что-то? Ну-ка, навести уши!

Шли мы у африканского берега. И там налетел на нас шторм. На мачтах не было ни одного паруса, а бриг летел к берегу: такой ветер дул! Скверная получилась штука. У берега корабль сел бы на мель, и волны разломали бы его в щепки. Думать было нечего. Я кинулся в воду, дошёл до дна

и вот этими лапами вцепился в грунт.

Там, наверху, ветер нажимал на корабль со страшной силой, и я пахал морское дно. Застрять бы в камнях... Я знал, что для якоря это плохо кончается. Но всё равно хотел, чтобы получилось так. И я застрял в камнях. И двое суток держал бриг.

Потом шторм кончился. Меня начали поднимать. А я уже знал, что из этого ничего не получится. Канат, который соединял меня с бригом, обрубили. Я остался в камнях. А бриг, подняв белые паруса, ушёл. Он ушёл, а я остался лежать в солёной глубине между камнями, обросшими водорослями.

Я утонул. Понимаешь, малыш? А я так привык к кораблю... Я никогда не думал, что разлучусь с ним. Но ты, может, думаешь, я жалел, что застрял в камнях? Нет! Я утонул, но бриг-то остался на воде, где чайки и солнце. И он, конечно, поплавал на славу...

Вернулся отец. Он взял сына за руку и увёл с собой.

«Плохо получилось, – подумал якорь. – Получилось, будто я жалею на свою судьбу. А судьба моя даже завидная: меня нашёл водолаз, я в музее рядом с пушками и флагами. А сколько якорей лежат на дне моря! И будут лежать там, и никто никогда ничего не узнает о них».

Белая шхуна

Это была лёгкая и быстрая шхуна. Когда глядели на неё издали, казалось, не корабль плывёт по волнам, а летит над волнами белая птица.

Все в море знали шхуну. Океанские лайнеры, возвращаясь из кругосветных рейсов, гудели для неё басом, лодки у берега, подсакивая на волнах, кланялись ей.

Шхуна была красива. Но на море одной красоты мало. И главным её достоинством было умение плавать. А как точ-

но она вставала у причала! Как легко находила свою дорогу между кораблями, когда они толпились в порту!

Капитаном на шхуне был человек с суровым лицом. Но его глаза смотрели добро и ласково. А суровое лицо? Оно такое потому, что в море дуют ветры, хлещут волны. И ещё потому, что под кораблём нет земли, а есть бездонная глупина.

Шхуна верила в своего капитана. Капитан верил в шхуну. Оттого-то они так счастливо плавали. На море самое главное – верить друг другу.

Но однажды случилась беда: наскочила шхуна мину. Мина осталась от войны. Она долго бродила по морю, выставив из воды позеленевшую макушку с тупыми рогами, и всё искала, кого бы утопить.

Шхуна вздрогнула от взрыва. Казалось, он ничего не сделал ей – только обжёг белый борт жёлтым огнём. Казалось, надо только миновать вспышку огня – и всё будет хорошо, как прежде. Но вода уже хлынула в пробоину. Шхуна отяжелела, начала уходить в глубину.

Матросы спустили шлюпки, сели в них; радист передал сигнал бедствия, тоже сел в шлюпку. А капитан стоял на тонущем корабле. Ему кричали, его торопили, а он всё стоял. Потом и капитан оставил шхуну.

Матросы взмахнули вёслами – шлюпки ушли от страшного места.

Шхуна опустилась на каменистое дно. Она не легла на бок,

как бывает с затонувшими корабля ми, а встала между камнями прямо, будто плыла прежним курсом.

Её окружила тёмная вода.

Никакого движения не чувствовалось здесь, и тишина была такая, какая ещё может быть в самой середине тяжёлой горы.

Борта шхуны, палубу, мачты облепили ракушки, оплели водоросли. Когда-то белая и лёгкая, шхуна теперь напоминала косматую скалу.

Над морем вставал день, опускалась ночь. Над морем сменялись времена года. А на морском дне ничего этого не было. Как туманные сновидения, к шхуне приходили воспоминания. Виделись знакомые корабли, слышались их гудки, мигали огни в порту. И неизменно виделся человек, который последним оставил её. «Где-то он теперь? Помнит ли шхуну? А может, забыл, став капитаном другого корабля?»

Время на дне моря шло незаметно, но так же быстро, как и над морем. Шхуну заносило пес ком. И она стала забывать всё, что с ней было раньше. Забыла маяки, причалы. Забыла, как блещут звёзды, как светит солнце, как приходит лето, как наступает осень с ураганами и штормами, — всё забыла. Но по-прежнему помнила человека, который последним сошёл с её борта. Занесённая песком, в тёмной глубине, она желала только одного: «Пусть капитану счастливо плавается по морям!»

А капитан? Да, он плавает на другом корабле. Но в его каюте на синей морской карте нарисован кораблик, похожий на белую птицу.

Когда капитану доводится плыть в том месте, которое отмечено на карте белым корабликом, он выходит на мостик, снимает фуражку и долго-долго стоит молча. Солнце ли печёт, ветер ли несёт ледяные брызги, летят ли молнии из грозовых туч, он стоит с непокрытой головой, исполняя закон верности – самый главный закон моря.

Почтовая бутылка

В матросском сундучке, обитом медными полосками, между пачкой крепкого табака и тельняшкой, скатанной в трубку, лежала бутылка. Бутылка из зелёного стекла.

Она попала туда после весёлого праздника в честь морского бога Нептуна. На каждом корабле бывает такой праздник, когда корабль переходит из морей северных в моря южные. В тот день матросы сидели на палубе и пели морские песни. На солёном ветру бутылка сама подпевала морякам. И чем меньше вина оставалось в ней, тем громче тянула она

своё «угу-гу».

Матросы были ладные люди. Их кожа потемнела на солнце, их волосы на солнце побелели, выгорели. Руками они могли гнуть железо и этими же руками писали ласковые письма детям и жёнам. Стоит ли удивляться, что бутылке было приятно плавать на одном корабле с ними. Она тоже любила плеск и грохот волн, скрип балок в трюме и не боялась, когда матросский сундучок начинал метаться по каюте. Это шторм раскачивал корабль, что в общем-то на море случается часто.

Однажды волны гремели особенно яростно. Сундучок прыгал по каюте, бутылка каталась в нём, натыкаясь то на пачку табака, то на тельняшку. Вдруг сундучок замер на месте. Бутылка испугалась. Ведь это означало, что корабль тоже внезапно остановился. Кто мог остановить его в бушующем море? Может быть, кит? Но киты уплывают от шторма в тихие воды...

Прошло какое-то время, сундучок опять начал качаться, а потом его крышка открылась. Бутылку взял в руки матрос.

«Угу-гу! Какой страшный ветер! – загудела бутылка. – Как низко идут тучи! Какие огромные волны! Как ломают они корабль, налетевший на камни!.. Угу-гу! Как мал остров, на который выбрались матросы, – просто скала в открытом море! Что же станет теперь с вами, храбрые люди? Кто спасёт вас, кто приплывёт за вами к этой скале?»

– Только ты можешь нас выручить, – сказал матрос и под-

нял бутылку высоко вверх. – Ты из крепкого стекла, из зелёного стекла. Помоги нам – донеси людям восточку о нашем несчастье.

«Угу! – коротко ответила бутылка. – Да. Конечно! Не сомневайтесь! Я буду плыть бесстрашно, как плавали вы на своём корабле. Я доплыву до людей, расскажу о беде. Они придут на помощь».

Матрос вложил в бутылку записку, залепил смолой горлышко, чтобы не попала вода. После этого опустил бутылку в море. Волна подхватила её, подкинула, передала другой волне с белым пенным гребнем. Скоро ничего, кроме гремящих волн, не было вокруг зелёной бутылки.

Но она плыла без страха.

Страх ведь проходит, когда знаешь, что только ты – и никто другой! – можешь спасти товарищей.

Как волны бегут друг за другом, так бежало время. И дни были похожи на белые верхушки волн, а тёмные ночи – на пропасти между водяными валами. Может, неделя прошла так, может, больше. Море понемногу успокаивалось. Заблестело солнце. Из далёких глубин поднялись к поверхности воды рыбы. Толпы медуз, выставив на ветер свои прозрачные парусочки, путешествовали по безбрежному царству.

Плыла и бутылка. Ей уже стало казаться, что море потопило все корабли, залило всю землю и есть только она, бутылка, да на голой скале моряки, потерпевшие кораблекрушение. Но где-то далеко земля по-прежнему возвышалась

над водой, и где-то плыли корабли.

Однажды в тихую ночь бутылка увидела красную звёздочку и зелёную звёздочку. Две звёздочки, не такие, как все, приближались к ней. Это были сигнальные огни корабля. Как обрадовалась бутылка! Наконец-то она поведает людям о морях, которым нужна помощь.

Корабль подошёл совсем близко. Бутылка видела его круглые светлые окна, видела матросов, облокотившихся на поручни. А матросы не видели её. Они смотрели на небо, усыпанное созвездиями, как серебряным песком. Если бы крикнуть им: «Угу! Остановитесь!» Но ведь не могла крикнуть бутылка: её горлышко было залеплено смолой.

Тогда она подплыла вплотную к чёрному борту, обросшему ракушками. Стала стучать в него. Только не слышали её: в середине корабля в тысячу раз сильнее стучала машина.

Дни сменялись ночами. Ночи сменялись днями. Дни и ночи были похожи на волны бегущего времени. Бутылка продолжала плавание.

Как-то на рассвете перед ней открылся берег. К утру она была совсем близко от него. Сразу за полосой прибоя, за жёлтым песком, росли пальмы, стояли дома. Из домов к морю шли люди, они были в разноцветных купальных костюмах, на них были лёгкие шляпы с широкими полями, они несли зонтики, пёстрые мячи.

Счастливые люди прыгали в воду, барахтались в ней, вверх летели брызги, в брызгах вспыхивала радуга. Людям

было весело, и ни кто не догадывался посмотреть в морскую даль. Только мальчик, строивший башню из сырого песка, вдруг посмотрел в морскую даль.

– Мама! – сказал он. – Я вижу, там плывёт бутылка...

– Какой ты ещё маленький! – улыбнулась женщина и бросила мяч подруге. – Ты всё ещё веришь сказкам о бутылках...

Как хотелось зелёной бутылке крикнуть в эту минуту: «Поверьте мальчику!» Но она не могла крикнуть...

До самого вечера бутылка плыла вдоль берегов. А к ночи подул ветер. Море закачалось, загремело. И ещё на много дней бутылка исчезла в морской пустыне.

Снова приблизилась она к берегу только осенью. Берег был закрыт густым туманом. Над серой зыбью стояла тишина. В этой тишине слышалась песня:

Улетели от родной земли,
Словно птицы, в море корабли.
Год прошёл, и вот уже назад
Корабли счастливые летят.
Одному лишь было суждено
Опуститься на морское дно...

Это девушка на берегу оплакивала отца-моряка и его товарищей.

«Они живы. Только им надо помочь!» – хотела крикнуть бутылка. Но не крикнула. Она ведь не могла крикнуть: её

горлышко было залеплено смолой.

«Ах как плохо, что на море туман, – подумала бутылка, – а глаза девушки полны слёз: слёзы тоже мешают смотреть».

Но, может быть, девушка вытерла в эту минуту слёзы, и, может быть, в эту же минуту чуть дунул ветер и чуть рассеялся туман. Только девушка вскрикнула:

– Я вижу бутылку! Так моряки посылают весть о себе...

Она побежала с высокого берега к лодкам, столкнула лодку на воду, поплыла. И подобрала бутылку из воды.

Самый быстрый корабль отправился на помощь матросам. Много людей провожали его. Они собрались на пристани, махали шляпами, платками. И каждый из них думал: как важно смотреть в морскую даль. Штормы и бури будут всегда, и всегда кому-то будет нужна помощь.

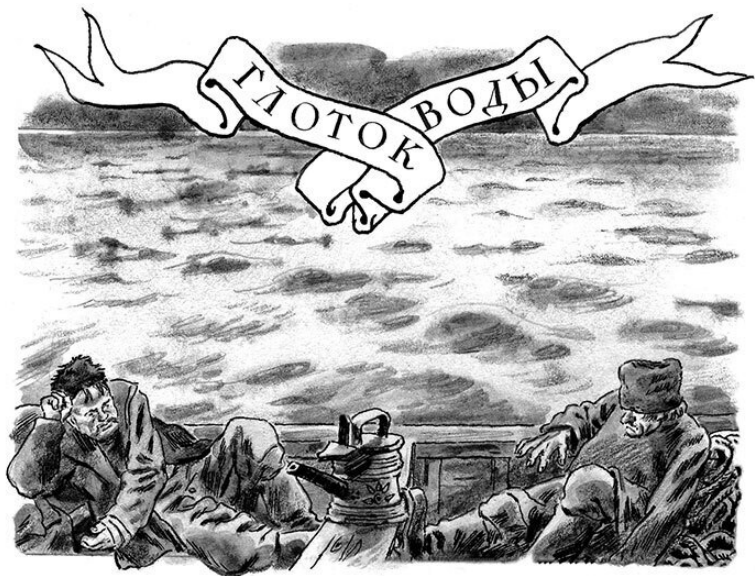
Дочь моряка стояла рядом с ними. Она прижимала к груди бутылку и тихо спрашивала:

– Они ведь живы? Они скоро вернутся? И отец обнимет меня?

Бутылка из зелёного стекла отвечала ей:

«Угу. Да. Конечно. Непременно вернутся».

ГЛОТОК ВОДЫ

В ту пору ещё не было пароходов, и плавали под парусом да на вёслах. В большом поморском селе жили тогда два парня: Андрей и Прошка. Они много знали из морского дела. Сёмгу ловили ловушками-мерёжами, селёдку у норвежских берегов брали, ходили на кораблях-карбасах промышлять во льдах тюленя.

Дружными были Андрей и Прошка. Поровну, без спора делили добытое в море. На гуляньях обоим бывало весело:

сколько песен один споёт, столько споёт другой. А девушки никак не могли рассудить, какой рыбак нравится им больше.

Но однажды пришлось Андрею и Прошке делить меж собой беду. Застала их на море буря. Унесла она лодку далеко от берега. Как далеко, парни не знали. Знали только, что в эту даль никто не приплывёт за ними, никто не найдёт их в этой дали.

Они не собирались в море надолго. Припасов взяли с собой мало. Скоро начали голодать. Был у них жбан с водой. Стали рыбаки воду беречь и считать её глотки. Глоток – Андрею. Глоток – Прошке. Человек может долго не есть, но не пить долго не может. Без воды скорая смерть человеку. А Прошке и Андрею ох как не хотелось умирать!..

Андрей лежал в лодке у кормы, Прошка – на носу. Между ними стоял жбан. Когда казалось поморам, что уже приходит смерть, они брали жбан и пили по глотку. Глоток – Андрею. Глоток – Прошке.

Пришёл день, когда осталось воды в жбане на два глотка ровно. Рыбаки посмотрели друг на друга, словно прощаясь, и стало им очень жалко друг друга. Они заплакали бы. Но нечем им было плакать: слёз не было у них. Слёзы ведь тоже вода.

– Ох, Андрей, Андрей! – заговорил Прошка. – Сколько воды кругом – целое море! А не напиться. Будь оно, море, проклято! Хоть всё выпить – не напиться! Была бы моя воля, превратил бы я его в кружку колодезной воды...

— Я много за кружку дал бы, — ответил Андрей, — и мерёжи свои, и дом... И всю рыбу, какую ловил бы, и зверя, какого добыл бы. А моря не отдал бы! Не моё оно, море. Нам с тобой смерть в нём — поморам смерть без него. Как они будут жить без моря, чем кормиться? Нет уж, пусть море будет вечно.

— Значит, не очень хочешь ты пить, если говоришь так... — прохрипел Прошка. — У тебя, верно, глотки больше, чем мои. И ты больше меня выпил.

Тут схватил Прошка жбан, прижал его к губам и выпил свой глоток. И чужой выпил. Он долго ещё сосал горловину жбана, пока не упал на дно лодки.

Андрей ничего не сказал товарищу. Может быть, он не знал, что сказать. Может быть, не хотел. А может быть, не было у него сил прошептать слово.

...Случилось, на лодку наткнулись зверобои. Андрей и Прошка ещё были живы. Зверобои вы́ходили их, доставили домой. Парни поправились. Стали собираться снова в море. А о том, что произошло меж ними, какой разговор тогда был, никому не сказали.

Провожать Андрея и Прошку пришло всё село. Все желали им удачи. Был час прилива. К берегу катилось море. Водяной вал выбегал на сушу и, разлившись, пропадал в песке, оставляя, как отметину своей силы, полосу пены. Тут же бежал новый вал. Он гремел ещё сильнее, ещё дальше на песок кидал пену.

Андрей выбрал время, толкнул свою лодку навстречу вол-

не. Лодка подскочила на гребне. Андрей ударил вёслами, сорвал лодку с гребня, и она понеслась в море.

И Прошка толкнул свою лодку. А вода ударила её под днище и выбросила на песок. Прошка стянул лодку с песка, снова толкнул. Вода опять отшвырнула лодку. В третий раз, когда показалось всем, что Прошка удержится на гребне, с моря – из самой его глубины, что ли? – прикатился гремучий вал. Он ударил Прошкину лодку и выкинул далеко за чертой пены, за грядой камней, на сухой луг. Прошка поднялся на ноги, стёр мокрым рукавом песок с лица, поглядел на поморов.

Дети, испуганно озираясь, девушки, закрыв лица платками, побежали к домам. А старики стояли на месте и глядели в землю. Но вот и они пошли в село.

Знали поморы: если море не пускает к себе человека, значит, человек Когда-то сильно обидел море. А тот, кто обидел море, может обидеть друга, даже может выпить его глоток воды, когда в этом глотке вся жизнь.

После этого ушёл Прошка в лесá, и никто его больше не видел. Но говорили, будто бы каждый год, когда море очищается ото льда и начинается весенний промысел, на берегу появляется человек, похожий на Прошку. И как встанет этот человек у моря, море начинает гнать к берегу льдины. И на целую неделю снова наступают холода, от которых гибнут птицы, прилетевшие на взморье вить гнёзда.

Щеглы для флота

Саша Клоков до военной службы был механизатором. Он умел управлять любой колхозной машиной. Весной на тракторе пахал поле. Летом убирал комбайном пшеницу. Осенью картофелекопалкой выкапывал картошку. Зимой бульдозером расчищал дороги от снега. В деревне все думали, что в армии Саша будет танкистом.

«Ему только научиться из пушки стрелять, – говорили о Саше, – а машины он знает».

Но Сашу взяли на флот: там тоже нужны люди, которые знают машины. Однажды Саша приехал домой – в отпуск

за отличную службу. Он ходил по деревне в бушлате, брюках клёш и в бескозырке с лентами. Саша гордился морской формой. Да и моряк он был особый – плавал на подводной лодке, на атомном ракетоносце.

Саша зашёл повидаться к деду Сергею. Дед Сергей, бабушка Дуня и внук Сергей обрадовались. Поставили самовар. Достали мёду. За чаем расспрашивали, большая ли она, атомная лодка? Глубоко ли опускается? Какой силы ракеты?

– Не полагается рассказывать о лодке, – отвечал Саша. – Это военная тайна. Скажу только: плавали глубоко. Месяцами не поднимались на поверхность океана. Лодка большая. Есть даже садик в ней: там цветы, фонтанчик бьёт, птицы летают. Товарищи просили привезти ещё парочку щеглов. Щеглы поют хорошо. Да не знаю, как поймать их.

– Ну и задача! – засмеялся дед Сергей. – Для флота мы с внуком поймаем хоть сотню.

Вечером дед Сергей и внук Сергей делали петлянку: из конского волоса вязали петли и закрепляли их на доске. Утром дед и внук полезли через сугробы в огород. Около бурьяна петлянку положили на снег, насыпали конопли и стали ждать, стоя поодаль. Недолго ждали. На бурьян опустилась стайка: снегири, щеглы, чечётки. Самые бойкие кинулись на коноплю. И запутались лапками в петлях.

– Беги, Серёга, зови моряка! – сказал дед. – Пусть сам выберет, какие нужны. Да чтобы валенки обул, иначе клёши в сугробах испортит.

У Саши была припасена клетка. Посадили в неё щегла и щеглиху. Других птиц отпустили.

Скоро Саша уехал.

Бабушка Дуня, когда проводили моряка, сказала деду и внуку:

– Я думала, он посмеялся над вами. А он и вправду птиц повёз на море.

– На чужой сторонushке рад родной воронushке, – ответил дед Сергей. – Шутка ли, месяцами под водой да под водой, у машин да у ракет. А тут зашёл в садик – щеглы поют. Всё полегче станет. Правильно я говорю?

– Правильно! – подтвердил внук Сергей.

Про себя-то маленький Сергей думал, что совсем правильно было бы, если Саша взял бы и его с собой. На тракторе он с Сашей ездил, на комбайне, на бульдозере тоже. Почему бы не поплавать на подводной лодке. Лодка большая – всем хватит места.

Капля

На мой плащ упала капля. Она прокатилась по рукаву от плеча до локтя и застряла в складке.

Дождь в это время кончился, засветило солнце. Солнце отразилось в капле, и от этого она сама стала казаться маленьким лучистым солнышком.

— Ну ладно, — сказал я капле, — хватит пускать мне в глаза такие яркие зайчики. Лучше бы... Лучше бы рассказала что-нибудь о себе. Где родилась, например...

Так я это сказал, в шутку. А капля вдруг совершенно серьёзно ответила:

– Я родилась в роднике. Видели родники в лесных оврагах?

Мне приходилось видеть родники в лесных оврагах. Но я промедлил с ответом: я ещё сомневался, капля ли это говорит, – может, кто разыгрывает меня. Капля поняла моё молчание по-своему и стала рассказывать, какой он, родник, как бьётся на его дне водяная струй ка – чистая, холодная. А струйка – это толпа капель. Капли дружные: куда одна покажется, туда и все бегут.

Рассказывая, капля звенела, журчала, а иногда в запальчивости булькала даже. Мои сомнения рассеялись, и я задал ещё вопрос:

– А куда вы, капли, бежите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.